

300-лѣтняго славнаго бытія. Приближается великій день,—день, который многие желали видѣть и не видѣли; они видѣли его духовъ, они радовались будущей радостью. Много предстоитъ труда, много требуется напряженія духовныхъ силъ, чтобы встрѣтить этотъ достославный день подобающимъ образомъ. Нужна работа единая, дружная, совмѣтная. Все въ рукахъ Божіей: быть можетъ, и я не увижу этого дня, какъ не увидѣли другіе сыны родной матери. Скажу только, что я готовъ отдать дорогой академіи всѣ свои силы, какъ отдавалъ ихъ до сихъ поръ, не отвлекаясь ничѣмъ постороннимъ. Сначала много лѣтъ моя дѣятельность была чисто-профессорскою; затѣмъ присоединилась дѣятельность административная; отнынѣ моя дѣятельность принимаетъ почти исключительно практически-административный характеръ. Эта дѣятельность болѣе трудная, ибо погрѣшности въ области живой дѣятельности даютъ себя сильнѣе и непосредственнѣе чувствовать, чѣмъ ошибки въ области чисто-теоретической.

Въ настоящій знаменательный день моей жизни я съ особенною ясностью сознаю всю высоту пастырскаго душепопеченія. Нужно всецѣло посвятить себя на служеніе Богу и людямъ, нужно помышлять не о своихъ си, а о ближнихъ. Нужно, по слову св. апостола, всегда носить въ тѣлѣ мертвость Господа Иисуса; нужно умирать, чтобы жить; нужно скорбѣть, чтобы радоваться; нужно обнищать, чтобы быть богатымъ. Когда я принималъ монашество въ пещерѣ преподобнаго Антонія, я научался: смирайся, какъ смирялся преподобный; люби всѣхъ, какъ любилъ преподобный; въ молитвѣ находи утѣшеніе. Если ослабѣваешь, если унываешь, вспомни о пещерѣ преподобнаго Антонія, о его подвижническихъ трудахъ. Въ священномъ сумракѣ этой пещеры найдешь утѣшеніе и ободреніе. Духа не угашай; воинствуй доброе воинство.

Къ тебѣ, великій первосвятитель Кіевской Церкви, всецѣло нынѣ обращается моя

душа. Ты—мой истинный отецъ, благодѣтельный покровитель и руководитель. Подъ твоимъ архипастырскимъ отеческимъ вліяніемъ вполне созрѣло то, что, при своей одинокой жизни, я давно носилъ въ своей душѣ, какъ тайное желаніе. Въ твоей безпредѣльной архипастырской любви, благодати и милости я всегда находилъ ободреніе и утѣшеніе. Служить, ваше высокопреосвященство, подъ вашимъ отеческимъ руководствомъ составляетъ истинную радость для каждаго изъ насъ. Вмѣстите насъ, высокопреосвященнѣйшій владыко; не оставьте насъ своею архипастырскою любовью и милостью.

Ваше высокопреосвященство, ваши преосвященства! Прошу вашихъ святыхъ молитвъ, да содѣлаетъ меня Господь доможителемъ вѣрнымъ, право правящимъ слово истины. Братія! Молитесь о мнѣ. Величайшею силою является всегда, а особенно въ наше время, сила нравственная, предъ которою невольно преклоняешься. О, если бы Господь нашъ Иисусъ Христосъ Своею всеильною благодатію помогъ мнѣ, хотя въ самой слабой мѣрѣ, исполнить слова св. апостола: *образъ буди върнымъ* словомъ, житіемъ, любовью, духомъ, вѣрою, чистотою.*

Утверди, Господи, Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государа нашего Императора Николая Александровича. Возвыси Его державу. Въ нынѣшнюю тяжкую годину испытанія, ниспосланнаго намъ Тобою, даруй Ему побѣду надъ врагами. Возвеличь Его, да разумѣютъ языки, яко съ нами Богъ, да возвеселится Возлюбленнѣйшій нашъ Царь о народѣ Своемъ.

Р Ъ Ч Ъ

архимандрита Макарія, произнесенная имъ при нареченіи во епископа Балахнинскаго.

Въ только что выслушанномъ нами волеизъявленіи высшей государственной и цер-

ковной власти о бытіи мнѣ епископомъ я, ваши пресвященства, богомудрые архипастыри, слышу голосъ Самого Господа и Бога нашего Иисуса Христа, призывающій меня грѣшнаго и недостойнаго къ вѣчному служенію Ему, Царю Небесному, Церкви Божіей, народу русскому, государству,— слышу гласъ, рекущій: *возьмите это Мое, это Мое благо, и бремя Мое легко есть*; слышу вмѣстѣ съ тѣмъ и новелліе Господне: *шедше научите вся языки*.

Да, поистинѣ — служеніе епископское есть величайшее благо, какое когда-либо можетъ быть даровано смертному человѣку. Оно благо уже по тому одному, что есть продолженіе того служенія, которое совершилъ здѣсь, на землѣ, Самъ Господь, пришедшій въ міръ грѣшныя спасти, святыя апостолы, возвѣстившіе всѣмъ концамъ земли слово Господне,—ихъ великіе, славные и прославленные Господомъ преемники, жизнью, ученьми своими, нерѣдко страданіями и даже мученическою кончиною указавшіе пути и средства, величіе и радости беззавѣтнаго служенія Богу и людямъ. Оно,—служеніе епископское,—величайшее благо и потому, что есть служеніе спасенію людей, ихъ ученію, воспитанію, ихъ приуготовленію къ вѣчной жизни. Оно—благо, оно—величайшая радость, ибо оно есть служеніе истинѣ, неизблемой, вѣчной. Наконецъ,—епископство, какъ и всѣ иные виды церковнаго пастырства,—есть по преимуществу служеніе, влекущее неизбѣжно къ непрерывному бдѣнію надъ самимъ собою, къ усовершенствованію своей духовной жизни, къ высшему самовоспитанію въ духѣ заповѣдей Господнихъ — любви къ Богу и ближнему.

Всѣ, имѣвшіе въ жизни своей жребій — учить и воспитывать другихъ, хорошо знаютъ — сколько радостей, тѣхъ именно чистыхъ и высокихъ радостей, которыя создаютъ дѣйствительное счастье на землѣ, доставляетъ воспитаніе и обученіе души человѣческой. Въ этомъ дѣлѣ труждающемуся часто и даже очень часто бываетъ

во-очію ясно, какъ безсмертный духъ человѣческій, снимая съ себя пелену тѣлесной ограниченности, все болѣе и болѣе окрыляется высшими влеченіями къ правдѣ и истинѣ,—входить въ тѣ именно области вѣдѣнія и жизни, гдѣ уже слышится дыханіе Божественное, гдѣ ничтожество грѣшнаго человѣка приходитъ какъ-бы въ нѣкое соприкосновеніе съ безконечнымъ совершенствомъ Божества, Первообраза своего. И великую, въ словахъ невыразимую радость и чувство высокаго удовлетворенія испытываетъ душа учащаго и воспитывающаго, видя *такое* раскрытіе духовныхъ силъ, духовнаго облика вѣрннхъ его ученію и воспитанію дѣтей!

Мнѣ эти радость и чувства хорошо извѣстны. Долголѣтнее служеніе мое дѣлу обученія и воспитанія протекало въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, и, какъ ни труденъ путь учительскій, онъ всегда являлся въ моемъ сознаніи чуть-ли не единственнымъ высокимъ, не единственно увлекательнымъ и дающимъ наиболѣе цѣнные плоды для общественной и личной духовной жизни. Не столь уже многолѣтнее, но тоже полное самыхъ разнообразныхъ формъ и искушений служеніе народу въ санѣ священномъ—еще болѣе укрѣпляло меня въ вынесенномъ убѣжденіи изъ жизни, что это служеніе есть поистинѣ величайшее благо и даетъ человѣку то, чего ни на какомъ другомъ поприщѣ никогда нельзя испытать, чѣмъ никогда на другихъ путяхъ жизни не приходится насладиться.

Все это зная, обладая, повидимому, достаточнымъ житейскимъ опытомъ, переживши много, очень много бурь и не потерявши на этомъ пути ни единой крупицы изъ вѣры, что служеніе дѣлу народнаго воспитанія и просвѣщенія въ духѣ Христовой истины есть величайшее и сладчайшее служеніе, я бы могъ безтрепетно сказать то, что сейчасъ только сказалъ по выслушаніи волензъявленія высшей Государственной и Церковной власти: *пріемлю и ничтоже вопреки глаголю*. Но въ дав-

ную минуту предо мной, повторяю—знаю—жизнь, видѣвшимъ на своемъ вѣку много бурь и знающимъ ихъ цѣну—встаеть во весь ростъ та, — съ глубокимъ убѣжденіемъ говорю, — страшная дѣйствительность, которую переживаетъ нынѣ весь христіанскій и, кажется, въ особенности православный міръ, — и я невольно трепещу предъ возлагаемымъ на меня высокимъ служеніемъ и опасаюсь, будутъ ли достаточны мои силы, слабыя и къ тому же значительно истощенныя, для несенія креста епископскаго служенія.

Не прерывавшаяся съ самаго явленія на землѣ Господа нашего Иисуса Христа борьба язычества, т. е. того, что есть въ человѣкѣ, какъ выражаются, естественнаго, точнѣе грѣховнаго, выросшаго въ отступничествѣ отъ Бога, — съ вѣчною истинною Христовою въ настоящее время дошла до послѣднихъ границъ напряженія. И кажется наблюдательному уму, больше же всего умѣющему чувствовать и чутко отзываться на окружающія явленія жизни сердцу, что нынѣ всѣ силы ада ополчились на имя Христово и Его ученіе. И онѣ въ своемъ яростномъ и все болѣе и болѣе увѣренномъ нападеніи на Церковь Божию, хранительницу ученія Господня, не останавливаются ни предъ какими средствами для униженія ея, для разрушенія ограда церковной, для уловленія современнаго человечества въ сѣти невѣрія, полной умственной и нравственной безпринципности. Въ наукѣ, словесномъ искусствѣ, во всѣхъ видахъ художества и во всѣхъ сторавахъ жизни современнаго просвѣщеннаго или, какъ принято называть, интеллигентнаго общества, — всюду царитъ какое то сладострастное стремленіе все высокое, все идеальное, все чистое принизить, забыть и отдаться всецѣло на службу тому, что удовлетворяетъ только низменныя и несложныя потребности духа и тѣла. И мнѣ представляется, что врагъ спасенія людей въ послѣднее время остановился въ своей борьбѣ съ Церковью и ученіемъ Господнимъ на такомъ именно

средствѣ, которое можетъ быть много дѣйствительнѣе для его цѣлей, чѣмъ всѣ другія. Именно — въ настоящее время прилагаются всѣ усилія къ тому, чтобы, раздавши всѣ низменныя страсти людскія, вытравить изъ сознанія человѣка самое понятіе о грѣхѣ, объ отвѣтственности за свое и тѣмъ болѣе другихъ нравственное приращеніе. И мы видимъ, какъ быстро растетъ нравственное одичаніе, какъ оно проникаетъ во всѣ стороны жизни, во всѣ слои народныя, какъ оно охватываетъ всякій возрастъ и полъ. Тяжело бороться съ заблужденіями ума, трудно умъ, сошедшій съ пути правильныхъ изслѣдованій, направить къ истинѣ. Но эти тяжесть и трудность ничто въ сравненіи съ борьбою съ душою человѣка, *воспитаннаго* въ убѣжденіи, что все дозволено, что нѣтъ въ мірѣ грѣха ни предъ Богомъ, ни предъ людьми, — человѣка, приученнаго жить не по повелѣніямъ Закона Божія, а по зову и влеченіямъ только страстей своихъ. Всѣ знаютъ силу привычки. Если велика сила привычки такъ, а не иначе мыслить, по-своему рѣшать отвлеченно тѣ или другіе вопросы, то неизмѣримо упорнѣе въ борьбѣ за свое существованіе привычка такъ, а не иначе *жить*, такъ, а не иначе удовлетворять свои потребности и прихоти и притомъ не столько духа, сколько тѣла. Почему именно такъ, всѣмъ понятно. И опасность для христіанства отъ этой все болѣе и болѣе укореняющейся привычки — жить безъ Бога, безъ памятованія о грѣхѣ и отвѣтственности за него — тѣмъ страшнѣе и дѣйствительнѣе, что такъ называемое практическое невѣріе несравненно быстрѣе распространяется, ибо оно доступнѣе для всѣхъ. Къ этому необходимо присоединить еще и то, что живущіе безъ Бога и руководящіеся въ жизни правиломъ, что все дозволено, не только глухи къ увѣщаніямъ, но и злобно враждебны и къ этимъ увѣщаніямъ, и къ формамъ иной жизни, и ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя стремятся вести людей по пути правды и христіанскаго благочестія.

Они въ своей борьбѣ ни предъ чѣмъ не останавливаются: клевета, извращеніе истины и дѣйствительности, опозориваніе не только имени и чести негоднаго человѣка, но и самаго его дѣла и всѣхъ, кто имѣетъ такое или иное отношеніе къ нему,—самыя для нихъ излюбленныя средства и орудія борьбы. Не могу не повѣдать нѣкоторыхъ фактовъ изъ міра дѣйствительной борьбы этихъ людей съ ненавистными дѣломъ и человѣкомъ. Идетъ въ храмъ народное чтеніе о страданіяхъ Спасителя; полонъ храмъ; тишина полная и вниманіе къ чтенію все болѣе и болѣе возрастаетъ; и вотъ въ это время нарочито введенные въ среду слушающихъ и въ храмъ непотребные люди поднимаютъ неожиданно крайне непристойный шумъ. Кто виноваты? Тѣ же люди, что устроили или, правильнѣе, построили все мерзкое, во всеуслышаніе спѣшатъ обвинить тѣхъ, кто устраниваетъ такія народныя собранія! Или еще лучше. Идетъ въ томъ же храмѣ чтеніе, а въ преддверіи храма, за закрываемою и постоянно открываемою дверью—сидитъ десятокъ или болѣе дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ и наученныя взрослыми безбожными людьми громко распѣваютъ самыя неприличныя пѣсни! Наконецъ, были случаи, когда церковныя причты не рѣшались, а иногда и прямо отказывались совершать въ храмахъ въ *праздничные* дни браки только потому, что въ набравшейся по обычаю толпѣ появлялись лица, совершавшія самую дикую, отвратительную «химическую обструкцію»! И невольно спрашиваешь себя,—какое слово дойдетъ до слуха совѣсти этихъ несчастныхъ людей? Какую нужно имѣть пастырю ревность, чтобы, не смотря на злобу и вражду, такъ рѣзко и непрерывно выражаемую, твердо стоять въ своемъ дѣлѣ? Какими нужно нападать силами, чтобы не пошатнуться и не отступить предъ врагомъ! А вѣдь пастырю Церкви нужно и этихъ людей учить, призывать въ ограду Церкви! Къ несчастію, мы должны самимъ себѣ постоянно твердить, что такихъ людей становится все больше и больше!

И нѣтъ ничего удивительнаго, если пастыря Церкви, стоящаго среди современной вакханаліи торжествующаго и въ своемъ цинизмѣ не знающаго даже предѣла въ обыкновенномъ житейскомъ благоразуміи зла, можетъ охватить и трепетъ, и боязнь, и горе, и даже порой сомнѣніе въ своихъ силахъ,—сомнѣніе, заставляющее, къ горю Церкви, многихъ опускаться, какъ говорится, руки и отступать предъ врагомъ.

Но я предъ лицомъ вашимъ, богомудрые архипастыри, скажу, что не только и даже не столько это печальное явленіе нашей и общехристіанской жизни меня смущаетъ и заставляетъ трепетать сердце и къ возлагаемому на меня игу Господню приступить съ опасеніями за свои силы. Врагъ невѣрія и распущенности,—врагъ давно извѣстный. На то и учреждена Господомъ на землѣ Церковь Божія и въ ней пастырство, чтобы съ этимъ врагомъ бороться.

Это—врагъ открытый. Въ наши дни, какъ по справедливости ихъ называютъ, лукавые дни—стояніе на стражѣ Церкви, ея блага, на служеніи пастырскомъ *православному народу русскому, Самодержавію Руси* чрезмѣрно осложняется для пастыря какъ борьбою разныхъ политическихъ направленій, такъ и крайнею неопредѣленностію, неустойчивостію въстроеніи даже тѣхъ лицъ и учреждений, которыя, повидимому, не отошли еще отъ Церкви и даже считаютъ себя призванными ограждать ее, усовершенствовать ея внутреннюю жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вспомнить попытки, отчасти даже удавшіяся, дать Россіи новыя такъ называемые вѣроисповѣдныя законы, вспомнить и тѣхъ людей, которые, повидимому, съ необыкновеннымъ усердіемъ пекутся о благѣ Церкви и, непрестанно взывая, что Церковь Божія въ опасности, въ то же время цѣлымъ рядомъ разныхъ законодательныхъ предположеній, публицистическихъ изысканій и даже распоряженій наносятъ одинъ за другимъ удары Церкви, православной іерархіи и лучшимъ ея си-

ламъ,—чтобы понять, въ какое тяжелое положеніе ставятся всѣмъ этимъ пастыри и въ особенности архипастыри Церкви. Вѣдь какъ бы ни твердили міру современные просвѣтителі и освободители Руси, что православному пастырю (и только ему!) не нужно, неприлично и даже не канонично участвовать въ политической жизнедѣятельности народа,—этого достигнуть никакъ нельзя даже при полной охотѣ именно такъ поступить,—просто потому, что церковная наша жизнь тѣсно связана съ государственной, что пастырю приходится имѣть дѣло и при томъ непрерывное и непосредственное съ людьми, нуждающимися въ авторитетномъ совѣтѣ. Предъ нами проходятъ различныя политическія организаци. Однѣ изъ нихъ—ярые и открытые враги Церкви; другія—не меньшіе враги, но дѣйствующіе болѣе скрытно; а третьи прямо ищутъ поддержки въ Церкви, въ ея ученіи, въ ея руководствѣ. Предъ нашимъ умственнымъ взоромъ—вся исторія русскаго народа, ясно говорящая, что и какъ нужно дѣлать. Надъ нами—съ небесъ слышится слово Божіе, осуждающее ясно и опредѣленно теплохладность и призывающее къ самому дѣятельному обереганію душъ людскихъ отъ соблазна. Что же долженъ дѣлать пастырь, наипаче архипастырь, когда онъ видитъ свое духовное стадо, видитъ Церковь Божию окруженными со всѣхъ сторонъ врагами, нынѣ особенно яростно осаждающими ограду Церкви? Неужели онъ долженъ равнодушно взирать на этотъ все болѣе и болѣе разрастающийся пиръ борьбы, вражды и злобы, неужели онъ вопрошающимъ съ мукой сердечной—куда нужно пристать, у какого житейскаго берега искать пристанища, долженъ отвѣчать—не мое дѣло, я въ сторонѣ! И это въ то время, когда все ясно, повидимому, говорить, что именно нужно пастырю Церкви въ такія смутныя времена дѣлать. И все-таки этотъ вопросъ стоитъ передъ нами во всей своей тягостной и опасной неопредѣленности. Эта неопредѣ-

ленность еще болѣе усиливается оттого, что на глазахъ у всѣхъ наилучше организованныя такъ называемыя правыя партіи ежедневно разбиваются и уже многія изъ нихъ разбиты разными искусными дѣйствіями со стороны и враговъ и своихъ. Выступленія разныхъ органовъ печати, принадлежащей даже къ разряду крайней лѣвой, дѣйствія нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ и многое другое, совершаемое подъ покровомъ и ради блага Церкви, все это заставляетъ многихъ и очень многихъ растерянно смотрѣть на текущую дѣятельность и вопрошать самихъ себя: что же дѣлать? Развивающееся все болѣе и болѣе лицемѣріе въ отношеніяхъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ учрежденій къ вопросамъ первѣйшей важности угнетающе дѣйствуетъ на душу и волю и заставляетъ опасаться самыхъ неожиданныхъ явленій и откликовъ на твердую опредѣленную дѣятельность. Вотъ эта-то неопредѣленность въ отвѣтахъ на вопросъ, *что дѣлать*, и заставляетъ глубоко смущаться духомъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Церкви и въ особенности пастырей и архипастырей. Чувствуется всѣмъ существомъ, что мы переживаемъ тяжелое переходное время, всегда вызывающее къ жизни такіе элементы народныя, для которыхъ церковный государственный оппортунизмъ является единственно приемлею программой дѣятельности, для которыхъ т. наз. приспособляемость къ лицамъ, ихъ мнѣніямъ,—вообще къ теченію жизни,—хотя-бы и явно извращенному,—является основою жизни. И вотъ въ это-то именно переходное время, когда требуется сосредоточіе всей христіанской энергіи и всѣхъ крѣпкихъ вѣрою и любовію къ Церкви и народу людей на одномъ дѣлѣ, вслѣдствіе указанной неопредѣленности, къ сожалѣнію, самое значительное большинство дѣйствующихъ силъ находится въ разбродѣ, во взаимномъ недовѣрїи, въ одиночествѣ. Такое состояніе обществъ людскихъ всегда тяжело, но особенно оно тяжело и опасно какъ для всего общества,

такъ и для отдѣльныхъ личностей въ такія времена, какъ переживаемое. Вотъ почему невольно въ настоящія столь высокія и важныя минуты моей жизни я съ великимъ трепетомъ говорю — «пріемлю и нимало вопреки глаголю». И это не обычное риторическое украшеніе, это не фраза, а дѣйствительно переживаемое состояніе.

И такое состояніе духа еще болѣе усиливается сознаніемъ своего слабосилія. Господь и земныя власти призываютъ меня, недостойнаго, на великое служеніе въ то время, когда жизнь моя значительно уже препоновилась, когда въ непрерывной борьбѣ то съ нуждою въ дни дѣтства и юности, то въ водоворотѣ разнообразныхъ и нерѣдко тяжкихъ испытаній и искушеній жизни мои духовныя и тѣлесныя силы значительно притупились, когда уже немало во время той же борьбы, особенно за послѣднія десять лѣтъ, нанесено ущербъ добрымъ качествамъ характера.

Вполнѣ сознаю недостойнство, свои слабости и недостатки и прошу и молю всѣхъ, кто знаетъ и знаетъ меня, простить мое дерзновеніе взойти на гору Господню и стать на мѣстѣ святѣмъ Его, — простить и молиться за меня грѣшнаго. Съ чувствомъ глубокаго смиренія склоняю главу свою предъ хотѣніемъ Господнимъ и, слыша Его гласъ, зовущій на служеніе Ему, Церкви Божіей и народу русскому, православному — говорю — иду, Господи, пріемлю Тобою указываемый жребій и нимало вопреки глаголю Твоей святой волѣ. Иду, — ибо путіе Господни правы, милость и щедрость Его къ намъ грѣшнымъ и недостойнымъ людямъ безмѣрно велики. Иду, — ибо возлагаю великія надежды на молитвы Церкви и пасомымъ о мнѣ грѣшномъ.

Иду, — ибо знаю по опыту своей жизни, что, не смотря на многіе недостатки нашей современной жизни, не смотря на оскудѣніе вѣры и нравственности во многихъ чадахъ Церкви, на серьезныя и глубокія несовершенства въ мысляхъ, чувствахъ и дѣлахъ даже тѣхъ лицъ и учрежденій, ко-

торыя призваны быть на стражѣ закона государства и Церкви, на ослабленіе воли во многихъ и многихъ чадахъ Церкви, — знаю, не смотря на все это, что Господь не оставилъ еще Своею милостію земли русской, что еще не въ конецъ опустошилъ и извратилъ врагъ нашего спасенія сердце русскаго православнаго народа. Мнѣ слышится и среди крикливаго и мясцаго себя торжествующимъ современнаго заблужденія добраго, истинно по-христіански настроеннаго сердца русскаго; чувствуетъ, что и сбившаяся съ пути праваго религиозная мысль многихъ образованныхъ русскихъ людей и отдавшаяся, исканію Бога внѣ Божественнаго Откровенія выйдеть, и скоро выйдеть на путь истины и, оставивши налѣвную врагомъ гордыню, смирится предъ величіемъ, красотою, правдою и великою всепрощающею любовію Церкви Божіей. Свидѣтельствуетъ объ этомъ грядущемъ обновленіи нашей духовной религиозно-нравственной жизни и то необычайное воодушевленіе, приводящее всѣхъ къ единству дѣйствій и настроенія, воодушевленіе, все болѣе и болѣе укрѣпляющее волю и дающее всѣмъ нашимъ хотѣніямъ и дѣламъ опредѣленность и красоту подвига, — то воодушевленіе, которое охватило всѣ слои русскаго народа въ наступившіе дни великаго переживаемаго нынѣ нами испытанія! И чудится, что Русь встаетъ предъ очами Божиими обновленная, омытая отъ грѣховъ не такъ давно пережитаго времени, и вся, вся, какъ во времена былыя, — Святая Русь устремляется мыслями, чувствами и дѣлами къ Единому Спасающему.

И вотъ, при видѣ всего этого, сомнѣнія уходятъ далеко, далеко, и вѣрится, что Господь услышалъ молитвы всѣхъ болѣзнующихъ о нестроеніяхъ нашей духовной религиозно-нравственной жизни и подаетъ народу русскому руку спасенія; грустныя мысли забываются, пробуждаются бодрость духа и стремленія къ усиленнѣйшему труду. И слышится голосъ родной Церкви

и Отчизны—идите, спѣшите всѣ и малые, и великіе на радостный пиръ труда,—Самъ Господь васъ зоветъ къ этому.

И я предъ лицомъ вашимъ, богомудрые архипастыри, съ бодростію, наипаче же съ вѣрою въ милость Господа, дающаго блага земная и небесная, возрождающаго нашу жизнь и оскудѣвающая восполняющаго, восклицаю—иду, примате и меня, скромнаго, въ своихъ силахъ, въ среду труждающихся. Господи, благослови, храни меня, Боже, ибо я на Тебя уповаю (пс. 15, 1)! Помолитесь и молитесь о мнѣ, архипастыри, молитесь о мнѣ недостойномъ и вы всѣ, стоящіе окрестъ своихъ архипастырѣй и пастырѣй. Вмѣстѣ, всѣ вмѣстѣ, каждый въ своемъ чинѣ и по мѣрѣ силъ пойдемъ на служеніе Господу Богу, Церкви Божіей, Великому Самодержцу Руси и всему дорогому, великому въ страданіяхъ и радостяхъ, въ паденіи и возстаніи русскому народу. Поистинѣ, Господи, что Твое благо, и бремя Твое легко есть.

Засѣданіе въ Зимнемъ Дворцѣ.

18-го августа въ Петроградѣ въ Зимнемъ Дворцѣ состоялось подъ личнымъ предсѣдательствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Теодоровны первое засѣданіе Верховнаго Совѣта, Высочайше образованнаго для объединенія правительственной, общественной и частной дѣятельности по призванію семей лицъ, призванныхъ на войну, а также семей раненыхъ и павшихъ воиновъ. Въ исходѣ 3-го часа пополудни члены Верховнаго Совѣта во главѣ съ предсѣдательствующимъ въ засѣданіи, Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, статсъ-секретаремъ Горемыкинымъ, собрались въ одномъ изъ залъ Дворца; здѣсь находились члены Совѣта: и. об. предсѣдателя Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь, д. т. с. Голубевъ, предсѣдатель Государственной Думы, въ званіи камер-

гера Родзянко; предсѣдатель главнаго Алексѣевского комитета, т. с. Стишинскій, товарищъ предсѣдателя Романовскаго комитета, т. с. Покровскій, вице-предсѣдатель комитета попечительства о трудовой помощи, статсъ-секретарь Танѣевъ, Министры: Внутреннихъ Дѣлъ—гофмейстеръ Маклаковъ, Финансовъ—Баркъ, Путей Сообщенія—статсъ-секретарь Рухловъ, Главноуправляющій Землеустройствомъ и Земледѣіемъ, ст.-секр. Кривошеинъ, Государственный Контролеръ, ст.-секр. Харитоновъ, предсѣдатель главнаго управленія російскаго о-ва Краснаго Креста, гофмейстеръ Ильинъ, главноуполномоченный всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ князь Г. Е. Львовъ, секретарь Государыни Императрицы Александры Теодоровны, въ д. гофмейстера графъ Ростовцовъ, управляющій дѣлами совѣта, д. с. с. фонъ-Витте; кромѣ поименованныхъ лицъ, на засѣданіе по назначенію Ея Императорскаго Величества были приглашены: статсъ-дама Нарышкина, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода ст.-секр. Саблеръ, Военный Министръ ген.-ад. Сухомлиновъ, Государственный секретарь т. с. Крыжановскій, главный попечитель Императорскаго Человѣколюбиваго Общества сенаторъ, т. с. Маркевичъ, предсѣдатель Петроградскаго особаго комитета т. с. Рукавишниковъ, представитель общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ, въ зв. камергера Крейтонъ, состоящій при Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, въ д. гофмейстера графъ Апраксинъ. Въ четвертомъ часу дня въ залъ изволила войти Государыня Императрица съ Августѣйшими Вице-Предсѣдательницами Верховнаго Совѣта Великою Княгинею Елисаветою Теодоровною и Великою Княжною Ольгою Николаевною. Ея Величество и Ихъ Высочества, поздоровавшись съ собравшимися, прослѣдовали въ сопровожденіи ихъ въ церковь Зимняго Дворца, гдѣ было совершено молебствіе помощникомъ завѣдывающаго при-